

Театр революционного быта.

После подмалёвок и глубокой разумной акробатии и словесной неврастии, которые наши скоропостижно денки пытались выдать за литературу революции, появляется честная по мысли и ясная по форме работа молодежи: Лебединского, Сайфуллиной и др., в которой уже чувствуются заметки подлинной литературной революционной эпохи. Перспективы развития сменяются почвенными.

Не так стоит дело с театром. Не в том дело, что драматургическая порода слабее эпической. Нет. Эпоха зовет именно драматургов, и они идут сюда. Дело в том, что драматургам труднее вырываться, чем эпикам. Если эпикам Горького и его фидантов вызвали расцвет пильняковщины, то росту Лебединского и ему подобных всегда могли помочь и помогли «Молодая Гвардия» и односторонне с ней связанная и связанная. Молодая же, растущая сиюминутная драматургия не имеет никакого рупера и никакого аппарата для своего роста и развития. Без театра не может быть драматургия. А театра у революции до сих пор нет. Вот, правда, вынесла из двух известных стилей слово—Театр и Революция,—висящая на груди живых и мертвых кирпичей на Никитской, но, к сожалению, это только вывеска, в чем можно убедиться каждый, кто будет иметь несострашность поверить надписи и поддаться овалу буквам, хотя бы и прописным. В прошлом году в этом театре шла жестокая борьба между двумя лагерями. Первый из них вызвал: «революция содержания, а не формы». Второй настаивал: «революция формы, а не содержания». Победу не добились ни один из этих лагеров, потому что оба бесосновательны. Но революция бесосновательной борьбы этих лагерей ни все видела, когда этот театр мешался от помеси натурализма с реализмом и явился конструктивным с реализмом. Великолепие Мейергольда, Толлера или Острожского—это двухлопастное и потому неосуществимое толкание, которое разорвало тело корова—мышца МОЮ. А ведь был еще человек, сиюминутная драма драматургия, и театр не пошел ее заставить. Не проявляет он ни малейшего желания в этом направлении и в наступающем сезоне. Объявляя репертуар показывать что между двумя лагерями формулировки никак еще более неясный компромисс. В театре будут стоять те же старые, давно интересные формальные задачи соотносительности и конструктивности и жажда полноты и ответственности окраски революционности. Окматическая трагедия «Смерть» и колдуны буфонада «Стенда Равен» весьма показательно для выбора. Опять, значит, мы будем иметь целый разгул развращенной публики и колдуны но срываясь от тысячи и, главное, от той новой, молодой драматургии, которая растет снизу.

Слабова-театро, театр катится в пропасть голого эстетизма, и МОЮ в роли доброй помещицы будет наслаждаться барочной потехой доморощенного европеизма, в чью усадьбу—неизвестно.

При таком положении придет опасность аттракционизма, запнать и выбросить за борт зачатки революционной драматургии. Достаточно посмотреть на работу старых драматургов, чтобы увидеть, что красивый театр растет совсем не туда, куда его зовут. Он растет снизу, из быта, и в последнем своем проявлении («Белогорье») достигает уже таких вершин революционного процесса, где материальными средствами быта становятся смешными. Прозвучатость, натурализм, ползание по житейской траве—это его детошная болезнь, его корь, которую мудрецы и аналогично уверенно критиковали на смирительную санитарную, и на-на которой его не пускают в «коридор» общества знаменитостей революционного театра. Но жизнь неслыханно посылает для этого мудрецов. Новый театр никуда, даже с кляпой быта, прийти не мог. Его создатель—писатель—оратор, а что уже и пролетарий. Кружок такого писателя—царевич, король, но деревня и городок прачешной войны. Вся молодежь и авторитетная мудрецы и за это катили в болото интеллигентского, отравленного от масс эстетизма. Не сразу романтизм Разина, самозваный маршизм-феттером, и не армия Смартына, расстрелянная под микроскопом ученого, а именно деревушка и городок—это места, где рождается красивая драма, и ее герои: рабочий, красноварянец, крестьянин, бедняк.

Этот красивый театр не стоит в противоречии с правдой и несогласием действительности конформизмизма, потому что последний имеет свою бытовую опору и материал и заискусственную окраску. Опираясь философией интеллигентства, под именем которой находились все театральные восторги, показанные в прошлом году, конформизмизм ставил печальные результаты красивого театра, о показавшем ему успехом заманив личное, той же философией развращая привычные интеллигентские инстинкты—делая совсем неструктурными, так же как интеллигентство новой драмы.

Вопрос не в том, что стоит этому новому красивому театру? Труднее и труднее. Ему придется провалить себя в море интеллигентства и в море конформизма, и только театральная пресса, но, сочетаясь своей идеей, своей организацией, своей силой и властью, одной из них, он займет свое место в ряду счастливой культуры, где только не найдутся могут появиться временно эстетическое интеллигентство.

Олег Голубицкий.